

В ЛЕНИНГРАДСКОМ Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина зал полон — идут пушкинские «Маленькие трагедии». На сцене Моцарт и Сальери...

Моцарт играет. Сальери слушает. На лице его сначала лишь выражение внимания, затем — удивление... Восхищение, восторг! И вдруг он весь поникает и становится похожим на большую больную птицу: эта музыка подавила его своей гениальностью, и он ощутил свое ничтожество перед ней.

Роль Сальери играет народный артист Советского Союза Николай Константинович Симонов. Играет так, что несколько выпященное выражение «актер потрясает сердца» кажется здесь вполне уместным.

А в городе на рекламных щитах еще недавно висели плакаты-анонсы: «Скоро! Скоро! Смотрите новый кинофильм «Где-то есть сын». В главной роли — Николай Симонов...»

Снова театр и кино в жизни актера идут рука об руку — так же, как почти сорок лет назад, когда Симонов впервые вступил на подмостки пушкинского театра и одновременно снялся в немом фильме «Красные партизаны».

В юности Николай Константинович совсем не собирался стать актером. Он рос на берегах Волги, страстно любил природу и с увлечением рисовал русские пейзажи. «Поезжай в Петроград, в Академию художеств», — советовали ему. И он поехал. Путешествие из Самары в Петроград в 1919 году было делом нелегким. Поезда оста-

навливались в пути из-за нехватки топлива. Тогда пассажиры дружно высыпали из вагонов, тащили к паровозу все, что попадалось под руку и могло гореть. Симонов работал весело, горячо — сил было хоть отбавляй. Потом в Петрограде ему не раз приходилось браться за погрузку дров и другой «отхожий промысел» — надо было зарабатывать на жизнь.

Академию художеств он так и не кончил, ушел в театральное училище. Здесь и заметил его Юрий Михайлович Юрьев, руководивший в то время Академическим театром драмы. Громадный темперамент, какая-то особая живописность всей фигуры Симонова привлекли его. Юрьев пригласил молодого артиста к себе в театр и тем определил сценическую судьбу Симонова.

А в кино Симонова просто не могли не заметить — очень уж он выделялся среди актеров своей почти скульптурной выразительностью, мгновенной переменчивостью крупного, словно из живого камня высеченного лица, которое будто само просилось на пленку.

Более десяти самых различных ролей сыграл Симонов в немом кино. Картины эти сейчас на экранах уже давно не идут, и только представители старшего поколения любителей киноискусства могут вспомнить Симонова —

Кадр из фильма «КАСТУСЬ КАЛИНОВСКИЙ».

Николай Симонов

Кадр из фильма «ЧАПАЕВ».

Кастуся Калиновского в одноименном фильме, воляжского грузинка Артема в картине «Кани и Артем» и другие работы молодого актера. Но вернуться назад лет на двадцать пять с небольшим мы можем вполне, потому что и сегодня не померк замечательный фильм «Чапаев», нет-нет, да и появится он в каком-нибудь кинотеатре.

...Комиссар Фурманов приказал бойцу немедленно найти и притащить к нему коммандира Жихарева. И вот Жихарев является: высокий, ладный, косая сажень в плечах, в лихо заломленной папахе, из-под которой выбился чуб, в глазах — озорная усмешка... Этакая вольная вольница, воляжский богатырь...

Интересно, что из всех участников фильма один Симонов видел самого Чапаева в жизни: он жил в одном городе с ним, в Самаре, и даже на одной улице, вместе с другими парнями с восхищением и любовью следил за каждым шагом героя.

Много ролей сыграл Симонов в кино, всех и не упомнишь. Но одну назовут безошибочно все — это Петр Первый. Симонов сыграл Петра по-пушкински и величественного, и человеческого. Петра, который «могущ и радостен, как бой». И если бы даже артист ничего не сделал в жизни другого, кроме этой роли, он все равно по праву вошел бы в историю советского искусства.

Об этом горько говорить, но после Петра ничего равного ему Симонов в кино не создал. И не потому, что не мог, причина лежит в другом: фильмы, в которых он потом участвовал, и отдаленно не приближались по своим идейно-художественным качествам к эпопее о Петре.

Недавно Симонов выступил в нашумевшем фильме «Человек-амфибия» в роли отца Ихтиандра, таинственного доктора и неистового мечтателя...

Мечется по залу фантастического замка, вырубленного в скале, крупная фигура с красивой, гордой седой головой. Широкий жест, природная естественная, романтичность всего облика Симонова, страстность его голоса невольно сообщают какую-то таинственность доктору. Но характера, судьбы человека в картине нет — не об этом думали ее создатели, не для этого позволяли они сюда Симонова, и все богатство артистической его натуры так и осталось неиспользованным.

Шли годы, и только изредка артисту удавалось хоть в какой-то мере прорваться к самому себе.

На сцене это были доктор Астров в чеховской пьесе «Дядя Ваня» и Федя Протасов в пьесе Льва Толстого «Живой труп».

В кино таким прорывом к самому себе был кардинал Монтанелли в фильме «Овод».

А сегодня по экранам путешествует фильм «Где-то есть сын». В этой картине очень мало слов. Симонов несет

свою любимую тему и без них — тему призыва к человечности.

...Не пишет сын старику-отцу. Совсем не пишет. И старик отправляется в город, на почту. Может быть, письма просто теряются, не доходят до его заброшенной хаты?

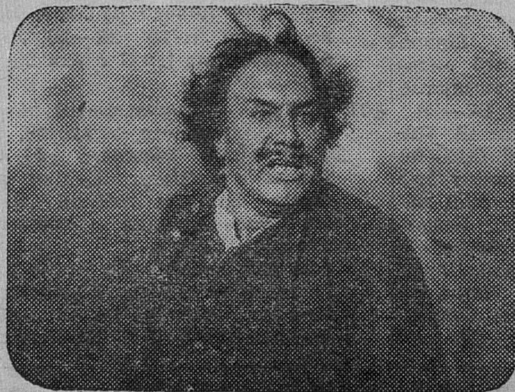
На почте людно, а ему в старой брезентовой куртке и рыбацких сапогах даже как-то неловко среди щеголеватых людей. Переждав всех, он подошел к окошку, где сидела девушка.

...Он отошел, а девушка поглядела ему вслед. И такое неизбывное горе выражала его широкая, могучая и все же старческая спина, что девушка не выдержала, вскопила, побежала за ним...

Она привела его в сортировочную. Письма... Письма.. Груды писем.. Неужели среди них не окажется одного-единственного письма! Такой надеждой, таким волнением загораются глаза старика, что кажется погасить эту надежду равносильно убийству...

С трагической силой играет Симонов. И снова, как раньше, при встречах с лучшими соданиями его таланта ощущаешь какой-то душевный подъем, испытываешь взволнованную благодарность к этому большому, красивому человеку, который умеет так величественно и просто рассказать о жизни и людях.

Т. МАРЧЕНКО,

Кадр из фильма «ПЕТР ПЕРВЫЙ».

Кадр из фильма «ОВОД».

Монумент Кинонеделя, 1963, 21 апр.